

— Хорошее окружение, прекрасные отношения с почти всеми, умная, сильная... Лиз, ты живёшь счастливой жизнью. Это единственная причина, по которой ты можешь говорить что-то подобное.

— Над Лиз издевались, когда она только поступила в Академию, но она никогда не пыталась отомстить. У неё не идеальная жизнь, но она предпочитает всегда оставаться хорошей, – прорычал Эрик. Его голос низкий и хриплый – предупреждающий.

Почему-то мои слова, похоже, задели за живое Его Королевское Высочество Эрика, главного эксперта по вопросам морали и справедливости.

— Но единственная причина, по которой она так себя ведёт, заключается в том, что до сих пор она жила счастливой жизнью, верно?

— Среда, в которой она выросла, не имеет значения. Сердце Лиз прекрасно, и оно изменило нас, – проповедует преподобный Эрик. Судя по тому, что он говорит, я не удивлюсь, если он уже создал религию во имя её.

Я знала, что он тот тип людей, которые борются за то, во что верят... Но я никогда бы не подумала, что он будет так одержимо предан Лиз.

— Даже если дворяне этой Академии коррумпированы, они всё равно являются членами дворянства. Все они с детства получили очень строгие инструкции о том, как действовать.

— Какое это имеет отношение к делу?

— Даже если им что-то не нравится, я сомневаюсь, что они будут вести себя достаточно вульгарно, чтобы задеть своё достоинство или репутацию. Так каким же издевательствам она подвергалась? Ухмылки и улыбки на её счёт, скрытые за украшенными веерами? Да, это очень тяжёлая жизнь.

— Я не единственный человек, который может жить бескорыстно! Горожане тоже чрезвычайно добры! – произносит Лиз, вызываясь смотря на меня. Она всё ещё застряла на том факте, что я сказала, что только она способна жить безупречной жизнью.

— Не все горожане добры. Ты говоришь о том, чтобы распространить свои идеалы на весь мир, и ты используешь этот яркий, идеальный маленький город в качестве ведущего архетипа. Но я говорю о месте гораздо худшем. Это место, где, сколько бы ты ни просила о помощи, никто не удостоит тебя даже взглядом.

— Что ты имеешь в виду? – подозрительно спрашивает Лиз. Как будто она не может себе представить, что такое место действительно существует.

Неужели мне до сих пор не удалось убедить её, что мир состоит не только из добрых, нежных, хороших людей?

— Это место, где ненависть недвусмысленно вознаграждается ещё большей ненавистью. И эта ненависть вплетена и построена на том, что не может быть ничем иным, как алчной жадностью и мелкой ревностью. Дети, рождённые в бедной деревне, невинны. Они не совершали никаких преступлений, кроме того, что были рождены предполагаемыми грешниками, и всё же они вынуждены жить в такой среде. Если бы эти дети увидели нас, каково было бы их мнение о нас? – насмешливо говорю я. Моё выражение лица состоит из одного лишь презрения и брезгливости.

Я ненавижу тот факт, что Лиз спровоцировала меня. Я не хотела когда-либо использовать бедную деревню в качестве примера перед Гиллесом. Но, к счастью, глаза Гиллеса говорят мне, что всё в порядке. Что с ним всё в порядке.

— Аля, ты живёшь в самых благословенных обстоятельствах, так как ты вообще можешь так говорить? Почему ты не можешь понять, что отвечать ненавистью на ненависть совершенно бессмысленно? Нужно только научить людей бедной деревни прощению и тому, как отбросить ненависть, и тогда им станет намного лучше. Как ты можешь не понимать такую простую концепцию?

Алан впервые открыл рот. Эмоции в его глазах ушли далеко за пределы недоверия и разочарования во мне, они полны чистой враждебности. И, можно сказать, ненависти?

Но если бы убедить людей отпустить свою ненависть было так легко, то эта страна уже давно стала бы намного лучше. Единственная причина, по которой он может утверждать что-то нелепое, заключается в том, что он не понимает жестоких и бесчеловечных условий бедной деревни.

Угх. Я больше так не могу! Эти глупые создатели игры! Почему они не могли дать ещё нескольким членам гарема Лиз чуть-чуть мозгов, способных к крошечным навыкам критического мышления?

Но нет. Наверное, единственное, что пришло им в голову, – как окружить героиню обожающим её гаремом красивых мужчин.

— А сейчас, почему бы нам не привести в порядок, Аля? Количество брызг крови на тебе – это ужас. Какие же мы язычники, чтобы заставлять тебя стоять здесь и разговаривать с нами в таком состоянии? – бодрым тоном вмешивается Кертис. Он пытается разорвать растущую, неустойчивую напряжённость между нашими двумя фракциями.

...Похоже, я никогда не узнаю, о чём на самом деле думает Кертис.

Его слова всегда полны льстивого очарования, но он производит впечатление добродушного

человека. Но в глубине души я удивляюсь... это напоминает мне кое-что, что Генри говорил мне о нём раньше. Неужели Кертис и в самом деле больше похож на донжуана, чем на милого, безобидного человека, каким он кажется?

С усмешкой Кертис щёлкает пальцами. И вдруг нас окружает яркий, сверкающий зелёный свет. Он смывает всю кровь, которая начала высыхать на моей одежде и коже.

— А что насчёт проверки на инфекционные заболевания...

— Не волнуйся. Я полностью удалил все следы чужеродной крови с каждого из вас, – перебивает Кертис, прежде чем Гиллес успевает договорить.

...Значит, и такое заклинание существует. Я бы очень хотела когда-нибудь научиться ему, но, к сожалению, это, скорее всего, заклинание, специфичное для магии растений(?). Если бы я могла ему научиться, то, уже бы знала его.

— А ты не можешь вернуть зуб Алисии? – спрашивает Гиллес, высоко подняв брови и смотря на меня огромными встревоженными глазами.

Ох, я становлюсь гораздо более счастливой, ведь Гиллес заботится обо мне. Но он прошёл через гораздо более ужасные вещи, чем я. Это ему нужна помощь, а не мне.

— То, что потеряно, уже нельзя вырастить заново... а-ах-х!

Пока я говорю, моё тело без предупреждения поднимается в воздух. Дюк, не обращая, казалось бы, никакого внимания на то, что я всё ещё говорю, поднимает меня на руки.

Меня окутывает его запах.

...Его тело источает такой приятный запах. Это несправедливо! Я же вся пропотела. Я уверена, что пахну ужасно.

— Хэй! Подожди! Отпусти меня! Пожалуйста, – кричу я, но Дюк полностью игнорирует меня.

Лиз и остальные молча стоят, ошеломлённые.

...Стоп. Я кое-что вспомнила... Разве у Лиз не было чувств к Дюку? Неудивительно, что она в шоке.

— Мы возвращаемся. Тебе нужно отдохнуть, – торжественно говорит мне Дюк.

Я бросаю взгляд в сторону Гиллеса и вижу, что Генри тоже поднимает его. Хотя я замечаю, что на этот раз он гораздо более послушен.

Но я же злодейка! Я не могу позволить другим людям видеть, как меня носят на руках, как какого-то инвалида!..

— Хорошо. Но мне всё равно это не нравится. Отпусти меня, я и сама могу идти.

— Не двигайся, пока мы не доберёмся до кареты.

В одно мгновение моя просьба была отклонена.

Я снова бросаю взгляд на Гиллеса в поисках помощи, но и он, и Генри с довольными ухмылками на лицах наблюдают за нашей перепалкой. Предатели.

Я бы хотела, чтобы они хотя бы перестали так улыбаться. Сейчас, когда Гиллес находится в объятиях Генри, я могу только представить, какие недоразумения могут возникнуть в умах людей прямо сейчас.

— Алисия, я не хочу ограничивать то, что ты хочешь сказать или сделать. Но я провожу черту во всём, что может угрожать твоей жизни.

Голос Дюка серьёзен. У него более серьёзный и искренний тон, чем я когда-либо слышала от него раньше. Хотя я не знаю, как выглядело выражение его лица, когда он говорил это, я могу сказать, что он искренне думает о моём благополучии.

...Может быть, я и вправду нравлюсь ему в романтическом смысле?

Когда я задумываюсь об этом, я чувствую, как нагревается моё тело. Моё сердце начинает биться быстро и сильно, до такой степени, что я начинаю отчётливо слышать, как оно колотится.

Ах! Дюк, должно быть, тоже это слышит!

Мне нужно успокоиться. Успокойся, сердце! Глубокое, успокаивающее дыхание! Вдох... Выдох...

...Хорошо. Я спокойна. Но почему мне кажется, что я всё ещё слышу, как колотится моё сердце?.. Подождите, нет, это... сердце Дюка?

— Дюк, похоже, на удивление непредубеждённый парень.

— Нет, я думаю, что в глубине души его желание монополизировать её довольно сильно. Он просто не позволяет этой стороне себя показать.

— Но он всегда балует Алисию, да?

— Это только кажется, потому что он хорошо умеет скрывать свои эмоции. Хотя, его маска имеет тенденцию сползать чаще всего, когда он находится перед Алисией.

Пока мы идём, позади нас Гиллес и Генри разговаривают между собой, но я не слышу, о чём они говорят.

Остальные молча наблюдают, как мы уходим. Лишь Кертис говорит так тихо, что его слышит только Лиз.

— Как я и говорил. Ты никогда не сможешь превзойти её, - шепчет он ей на ухо.

<http://tl.rulate.ru/book/39408/1278357>